

Галина Тюнина: «Театр должен был понятен всем» | Galina Tunina: "Le théâtre doit être compréhensible pour tout le monde"

Auteur: Надежда Сикорская, [Москва-Женева](#) , 26.02.2014.

<p>Галина Тюнина прекрасна и в жизни, и на сцене (© Сергей Аксенов)</p>

Сегодня в женевском Théâtre de Carouge начинаются гастроли Театра-студии Петра Фоменко. Московские артисты шесть раз покажут спектакль «Война и мир», в основу которого легли первые главы романа Л.Н. Толстого. Предлагаем вашему вниманию запись беседы с исполнительницей трех ролей в этой блестящей постановке,

удостоенной премии Золотая маска сразу в трех номинациях.

|

Dès aujourd'hui au Théâtre de Carouge – «Guerre et paix. Début du roman» de Piotr Fomenko. Six représentations par une célèbre troupe moscovite. Voici l'interview avec l'actrice vedette, lauréate du prix national russe «La Masque d'or».

Galina Tunina: "Le théâtre doit être compréhensible pour tout le monde"

Одна известная и очень профессиональная московская журналистка, знакомясь с Галиной Тюниной, сказала: "Галина, Вы - большая актриса". Не прекрасная, не великая, а именно большая. То есть - с Большой буквы. Наверно, лучшего определения Галины Борисовны и не найти.

Наша Газета: Галина, спектакль "Война и мир" с неизменным успехом идет уже более 13 лет. Какие ассоциации у Вас с ним связаны, какое первое воспоминание?

Галина Тюнина: Было это приблизительно так: пришел Петр Наумович и объявил «Войну и мир». Первая реакция – ужасно интересно и совершенно непонятно. Тогда у нас еще не было здания, мы практически только выпустились из ГИТИСа. То есть не было возможности, как сейчас, реально себе представить: это будет на этой сцене или на той, все придумывалось в воздухе. У нас была маленькая комнатуха, которую выделила нам Маргарита Александровна Эскина в Доме актера и в которой мы переживали время перемен, когда еще сами не понимали, что и как будет, но решение остаться вместе принято уже было. И вот в этой комнатке мы начали читать Роман со всеми теми, кто был.

То есть просто садились и читали?

Да, садились за овальный стол и читали. В течение трех месяцев. С первой буквы, вслух. Читали по-разному: сначала кто-то один, потом другой, потом вперемешку. И к концу романа читали уже все подряд. И уже все всем об этом рассказывали, и лошади у нас уже ржали, и телеги скрипели, мы все уже оживляли, во всем видели роли. Никто не понимал, кто и что будет играть из этого миллиона ролей и лиц. Причем группа наша была маленькая, становилось ясно, что придется играть по две, три, четыре роли, а то и по пять.

А Петр Наумович как-то вас ориентировал?

Галина Тюнина (Анна Павловна Шерер) и Рустэм Юскаев в спектакле "Война и мир. Начало романа" (© А. Харитонов)

Нет, он ничего не говорил. Не говорил, кто что будет играть, что конкретно он хотел бы. Но в итоге мы все прочли. После этого начали сочинять сценическую композицию. Это был отдельный момент, когда мы начали переносить прочитанное на драматический язык сцены. Я уж не помню, сколько это длилось, но сочинили. И дошли до трех сцен: Петербург, именины у Ростовых и отъезд князя Болконского. На этом остановились. После этого мы даже начали репетировать там же, в Доме актера. Петр Наумович, распределив роли, пытался поднять нас на ноги, и тут он понял, что нет пространства, в которое он мог бы все это вписать, и идея зависла. Мы остановились. Мы даже никак это специально не объявляли, просто сделали паузу на семь лет.

А потом?

А потом пошли другие спектакли, мы начали репетировать Чичикова. И уже в 1999 году, когда мы получили наше первое здание (бывший кинотеатр «Киев»), когда сыграли в нем первый спектакль («Варвары»), а затем и «Одну счастливую деревню» и «Семейное счастье», мы вернулись к «Войне и миру». Достали старую композицию и поняли, что теперь можем это сделать. И сделали за полгода.

Решение дать каждому актеру по несколько ролей было принято просто потому, что не хватало людей?

Конечно. И потом, если дать артисту роль на два слова, это никому не нужно. Спектакль обрастает огромным количеством людей, но интереса это не добавляет. Когда же группа артистов получает возможность переходить из главы в главу, из одного пространства в другое, меняя персонажей, это интересно, неожиданно и

очень стимулирует. Для молодой труппы, не обремененной еще личными амбициями, масштабом ролей и живой интересами друг друга и целого, это была прекрасная возможность.

«Война и мир» - не единственный спектакль, где вы играете по несколько ролей.

Да, это пошло еще с ГИТИСа.

Петр Наумович делал это намеренно, считал это важным, полезным для вас?

Он это приветствовал, но придумывалось это само по себе. Так получилось во «Владимире Третьей степени» по Гоголю: персонажей было гораздо больше, чем людей, и С.В. Женовач предложил такой прием. Это добавляло интереса, игры, в меру хулиганства, в меру студенчества. Возможно, именно такое, казалось бы, несерьезное отношение к театру и дает серьезное ощущение профессии. Когда начинаешь относиться к своим ролям слишком серьезно, теряется прелесть сочинительства.

Можно сказать, что «Война и мир» - коллективное сочинение?

Да, мы его вот именно сочиняли. Это не роман в буквальном смысле слова, это только начало романа...

Каким образом Петр Наумович определил, до какого места в романе идти и где остановиться?

Если сейчас оглянуться назад, становится понятна логика триптиха. Три главы, три места действия, три семьи. Курагины, история с Долоховым – одна история. Ростовы и прилегающие к ним семьи. Семья Болконских. То есть на эпическом фоне войны и мира показана жизнь семей со всеми радостями и заботами, любой семье присущими и понятными. И вот именно на это покушается война, именно это люди всеми силами пытаются сохранить. То есть глобальная проблема показана сквозь призму простых человеческих отношений.

Ваш театр выгодно отличается «литературностью». Подавляющее большинство спектаклей основано на шедеврах мировой литературы. Не устаешь поражаться вашему бережному отношению к слову, уважению к авторскому замыслу, а ведь сейчас так модно думать, что каждый режиссер лучше писателя знает, что тот хотел сказать. Объясняется ли это только личными предпочтениями Петра Фоменко? Он вам как-то подобное отношение прививал?

Галина Тюнина - Анна Павловна Шерер (© Виктор Сенцов)

Прежде всего, он сам так к этому относился. Конечно, его отношение к литературе, особенно русской, - явление исключительное. То, что он нес литературу в театр, было совершенно сознательным актом. Он мог себе такое позволить в своем театре, в чужом было бы сложнее - пришлось бы убеждать администрацию, актеров в том, что это возможно, что это хорошо. Конечно, любому театру проще взять хорошую пьесу, где уже все написано, где есть роли. Сочинять сложнее. Надо иметь и дух, и запал. Наш «студенческий» театр давал такую возможность, и Петр Наумович смело ею пользовался. Он сочинял то, чего не было. Нет же пьесы «Война и мир» - он ее давал. Нет литературного произведения «Второй том Мертвых душ» - он собирал его по крохам отовсюду. «Семейное счастье» - абсолютное сочинение для театра. И даже «Триптих», в котором есть одна пьеса, «Каменный гость», и сцены из «Фауста», сочинен из литературы.

А литература - это слово.

Вот именно, слово, которое несет на себе главную нагрузку - смысл, действие. Это, по мысли Петра Наумовича, и есть работа драматического артиста, как у оперных певцов - звук, у балетных - движение. Для нас же первостепенно слово.

Ваш театр особый и в смысле приходящей в него публики. К вам не приходят с улицы, случайно купив билет в кассе. Попав к вам впервые, человек либо всей душой влюбляется в Фоменок, либо напрочь отвергает. Равнодушных нет, и быть не может. Пристально наблюдая за вашей работой уже несколько лет, я прихожу к выводу, что требовательность к себе вы распространяете и на зрителей.

Действительно, есть публика «своя», которая следит за развитием театра с момента его создания, сопереживает, ходит на премьеры, приезжает из других городов...

И даже стран!

И даже стран! Есть публика, которую вы совершенно правильно описали – человек пришел и определился. Вот чего у нас нет точно, так это «модной» публики.

И этим тоже вы так выгодно и отличаетесь!

Тут был забавный случай с одним зрителем. Сначала он пришел на «Триптих» и весь спектакль смеялся так, что мы не могли его не заметить. Реакцией на пушкинские фразы, даже совершенно не смешные, был счастливый смех, полная эйфория. То же самое повторилось на «Войне и мире», на этот раз он уже сидел в первом ряду, подарил цветы. Стал постоянным зрителем.

Вообще, Петр Наумович не делил публику на интеллектуальную и нет. Он полагал, что театр должен быть интересен для всех и понятен всем.

Ваш театр много гастролирует, и в Женеву Вы приезжаете уже в третий раз. Есть ли какие-то радикальные различия в представлении спектакля дома и за рубежом? И если да, то в чем они проявляются?

Есть, и проявляются они в слове, в том, как оно доносится до зрителя, как им воспринимается. Те, кто не понимают слов и следят за субтитрами, считают немного другой, «птичий» язык, который выражается в мимике, жестах. И меня всегда удивляет то, что, в общем, все понятно. То есть, если спектакль живой, если актеры играют хорошо, то понятно, что происходит между женщиной и мужчиной, матерью и сыном, и так далее. И это затягивает людей.

Галина Тюнина (Мария Болконская) и Карэн Бадалов (князь Н.А. Болконский) (© Ольга Лопач)Харитонов)

У русских, в той же Швейцарии, была своя реакция, так как для них приход на спектакль был приходом в мир, который они как бы уже утратили, и то, к чему

москвичи относятся обыденно, в них вызывало умиление.

Петр Наумович всегда поощрял использование иностранных слов в спектаклях, понимая, видимо, важность связи через слово, важность возможности для зрителя хоть на несколько минут включиться в языковую игру.

Ваши гастроли в Женеве в 2011 году прошли без преувеличения триумфально. И Вы, Галина, будучи в образе Глафиры, пообещали со сцены, что лето проводить будете в Швейцарии. И обещание сдержали, начав приезжать на Фестиваль в Вербье. Вообще, за прошедшие два с лишним года у Вас появилось тут много знакомых. Изменило ли общение с людьми вне театра Ваше представление о Швейцарии вообще?

Конечно, ведь едешь в страну, к людям, и открываешь ее через людей. Если этого нет, нет человека, который может тебе ее раскрыть, это менее интересно. Я не люблю быть туристом. В этом смысле Швейцария для меня уже, конечно, страна, где меня ждут, где живут друзья, через которых открываются и горы, и озера, и глинтвейн, и музыка, и раклет...

Спектакль «Война и мир» был удостоен премии «Золотая маска» сразу в трех номинациях. Это рекорд?

Для нашего театра точно рекорд, а может, и вообще. Я вообще очень удивилась тогда, что спектакль был так принят – именно из-за его кажущейся сложности. Но понравилось – и критикам, и зрителям, и коллегам. Я помню, на один из прогонов пришел Юра Борисов, сын знаменитого Олега, и, посмотрев, сказал: «А МХАТ-то здесь!» Думаю, он имел в виду подробности, огромную проделанную работу, вкус.

Вообще, это был потрясающий для нас период, весь за полтора или два года Фоменко поставил тогда подряд четыре гениальных спектакля: «Одна абсолютно счастливая деревня», «Семейное счастье», «Война и мир», потом сразу «Безумная из Шайо». Было невероятно, что человек уже сильно за 60, создав свой театр, каждые полгода выпускал невероятные спектакли, поражавшие людей.

В спектакле занят блистательный актерский состав, каждый артист – звезда, а уж об актрисах и говорить нечего. Как отнеслись Ваши коллеги-дамы к тому, что Маску в номинации «Драма: лучшая женская роль» дали именно Вам?

Петр Фоменко и Галина Тюнина на репетиции "Семейного счастья" (© Лариса Герасимчук)

В общем, спокойно. Я вообще восприняла это скорее как аванс всему театру. А почему мне?.. Может, потому что все-таки три роли играю, уж за три-то можно одну Маску дать? (смеется)

Спектакль идет много лет, по европейским меркам - вечность. Вы по-прежнему играете его с удовольствием?

Да, мы его очень любим, это один из лучших спектаклей нашего репертуара. Он соткан весь, как кружево, для артистов. Наверно, атмосфера любви, в которой он создавался, восторг любви Наташи Ростовской, домашняя, семейная обстановка – все это трогает, напоминает детство, связь поколений.

Вообще, у Петра Наумовича была грандиозная затея сделать эпилог, в котором Наташа была бы счастливая мать и так далее. То есть вернуться к начальной семейной обстановке. Кроме того, он очень любил сцены романа, связанные с Тушиным, и хотел сделать отдельный спектакль на чисто военную тему. Может, кто-то это еще осуществит.

Что бы Вы хотели сказать зрителям, которые с сегодняшнего вечера будут приходить в Театр Каружа на «Войну и мир»?

Мне всегда казалось, что этот театр сложен для восприятия: в нем нет открытого сюжета, очень много текста, и текста не простого. Это не пьеса, не драматургия. Это образы людей, которых уже нет. Уходит эта порода, даже если мы продолжаем ею восхищаться. Кроме того, на мой взгляд, спектакль сделан неким загадочным театральным языком, и считать полностью всю постановку крайне сложно. В ней не все буквально, есть режиссерская фантазия, к которой надо быть подготовленным. Поэтому я всегда желаю и зрителям, и спектаклю терпеливого отношения, возможности зрителям довериться актерам и войти в этот мир, а актерам – их принять. То, что речь идет о начале романа, вызывает у не читавших его желание узнать, что же было дальше, а читавших вовлекает в тщательное изучение деталей и заставляет задумываться о том, с какой же, собственно, ерунды все начиналось.

[театр Каружа](#)

[театр Фоменко](#)

[Война и мир](#)

[театральная жизнь Швейцарии](#)

Статьи по теме

[«Война и мир. Начало романа»» - с Фоменко по миру](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/galina-tyunina-teatr-dolzhen-byt-po-nyaten-vsem>